

УДК 070

Аргынбаева М.Х.

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы.

E-mail: argynbaeva@mail.ru

Новая мифологическая парадигма и современное гуманитарное знание

В статье определяется новая национальная научная парадигма литературоведческих исследований – проблема анализа художественных произведений как «типичной мифологической системы», приводятся зарубежные и отечественные теоретические изыскания в сфере мифологии и литературы.

Ключевые слова: мифология, Серикбол Кондыбай, миф, литература, мифологическое мышление, инициация, мифологическая школа, фольклористика, литературоведение, мифическое время, мифическое сознание.

Argynbayeva M.H.

New mythological paradigm and the modern humanities

The paper defines a new national scientific paradigm of literary studies - the problem of analyzing works of art as «a typical mythological system» provides foreign and domestic theoretical research in the field of mythology and literature.

Keywords: mythology, Serikbol Kondybai, myth, literature, mythological thinking, initiation, mythological school, folklore, literature, mythical time, the mythic consciousness

М.Х. Аргынбаева

Жаңа мифологиялық парадигма және заманауи гуманитарлық білім

Мақалада әдеби зерттеулердің жаңа ұлттық ғылыми парадигмасы – көркем шығармаларды «типтік мифологиялық жүйе» түрінде талдау мәселесі анықталады, шетелдік және отандық мифология және әдебиет салаларындағы теориялық зерттеулер негізінде мысалдар келтіріледі.

Түйін сөздер: мифологиялық жүйе, мифология, әдебиет, мифологиялық уақыт, мифологиялық заман.

Introduction

К самым первым истокам мифологической школы казахского литературоведения относятся работы по фольклористике Ш. Валиханова, А. Байтурсынова, М.О. Ауэзова, А. Маргулана. Предвосхищение собственно мифологической школы зародилось в трудах известных фольклористов С.Каскабасова и Е. Турсунова. С. Каскабасов не использует напрямую терминологию мифологической школы, но в его работах мы находим мифо-ритуальную и мифо-этнологическую конструкции фольклора. Например, в монографии «Казахская волшебная сказка»[1] образ тазши в казахской волшебной сказке С.Каскабасов генетически возводит к древним магическим верованиям, а его безобразный вид и служение тазши у будущего тестя рассматрива-

ет как магический оберег и ритуал инициации. Далее он уже рассматривает с этнографической точки зрения служение тазши будущему тестю как «брачный порядок и брачный обряд, характерный для матрилокального брака»[1, с.149]. В другом труде «Казахская несказочная проза» [2] ученый пользуется терминами – миф, мифическое время и мифическое сознание, мифическое понятие и мифологическое мышление - и при классификации жанров казахской фольклорной прозы во главу угла ставит «отношение людей к содержанию произведения. По этому критерию несказочная проза была разделена на миф, устный рассказ... впервые в казахской фольклористике были выделены и охарактеризованы такие жанры как миф, быличка... (при этом) шежире может быть и мифом, и предани-

ем, и легендой...» В той же работе С. Каскабасов предлагает заменить предложенную им самим терминологию: «Не совсем удачными явились и термины ... для обозначения жанров мифа (ертек) и былички (уақиға). Поэтому впоследствии мы отказались от них и назвали миф – мифом, а быличку – хикая...» [2, с.59]. Хотя через много лет Серикбол Кондыбай даст такой же, как и Каскабасов когда-то, казахский эквивалент термину миф – ертек – с точки зрения собственной зрелой мифо-лингвистической научной системы: «Ертеги – буквально «сказка». Этот термин берет начало от древней праформы art- (-ert-), означающей «древний порядок, закон, деяние». По-видимому, в древности устный свод знаний мировоззренческого порядка, подобно исламскому адату, или нравоучительных легенд и преданий, назывался «ертеги», означавшее «правило» (ерт – ик) или «происхождение правил» (ерт – тек). Вероятно, на староказахском языке это слово и означало понятие «миф». Позднее, когда мифы перестали восприниматься как некие реальности мироздания, этот термин стал применяться как обозначение простой, обычной небылицы, сказки. Интересен сам ход трансформации праформы art- (-ert-) в казахском языке. Она дала жизнь таким абстрактным понятиям, как «давно, с давних пор, в древности» (ерте, ертеде)...» [3].

Другой исследователь фольклора Е. Турсунов рассматривает традиционную мифологию казахов, определяя ее «идеологический стержень» как «культ аруахов», и вводит в фольклористику термин «вторичной мифологизации» [4]. Продолжая исследования фольклора в контексте общечеловеческой культуры, Е. Турсунов в книге «Древнетюркский фольклор: истоки и становление» особое внимание уделяет понятию мифологического времени: «При мифологическом освоении действительности настоящее воспринималось в неразрывном единстве с прошлым» [5]. Мифологические персонажи, мифологическое время и пространство, мифологические мотивы, по Е. Турсунову, эти аспекты мифа прослеживаются не только в фольклоре, но и в казахской литературе.

Профессор Ш.Елеукунов полагает, что миф есть зачатки миропонимания и мироощущения народа, что в генезисе казахской духовной жизни жанр мифа сыграл исключительно важную

роль, войдя «впоследствии через творчество акынов и жырау в кровь и плоть современности – романа, да и прозы в целом» [6, с. 28-29].

До 2004 года в казахском литературоведении, фольклористике, музыковедении, культурологии, этнографии появляются исследования по отдельным проблемам и аспектам мифологии, как то – мифопоэтика, архетипы, символы, мифологемы в казахской литературе и культуре, ритуалы и инициации, - имеющие некий базисный материал для зарождения национальной научной мифологической парадигмы.

Main body

Для поля современной казахской культуры неочень ценным интеллектуальный вклад двух казахстанских периодических изданий – альманаха «Тамыр», под руководством Ауэзхана Кодара, и альманаха «Рух-Мирас» (2004 – 2006), под руководством Зиры Наурзбаевой. Актуальные исследования в области казахской мифологии С. Кондыбая, З. Наурзбаевой, Е. Турсунова, А. Мухамбетовой, Ж. Дуйсенбаевой, Б. Жетписбаевой, К. Жанабаева, Т. Асемкулова, и многих других авторов альманаха «Рух-Мирас» и нового гуманитарного сайта www.otuken.kz сформировали новый уровень национальной мифологической школы как «духовно-интеллектуального течения», по выражению Е. Исмаилова [7]. Необходимо отметить, что представители новой мифологической школы являются личностями сложившимися, профессионально подготовленными в области литературоведения, фольклористики, культурологии, музыковедения, философии, и их накопленный интеллектуальный потенциал буквально взорвался после появления на авансцене казахской духовной мысли феномена Серикбола Кондыбая.

Научное творчество Серикбола Кондыбая (1968-2004) уложилось в небольшие временные рамки, спрессовавшись в мощный пласт духовного знания, лейтмотивом которого служат слова самого Серикбола: «Мифке оралу» («Возвращение к мифу»). При этом нужно знать, что миф – это не только «средоточие культурной памяти человечества» [8], но и возможность создать единое поле казахской научной гуманитарной парадигмы и получить достоверный ответ на многие вопросы современности.

В статье Серикбола Кондыбая «Мифке оралу» [9] указан единственно возможный путь

обретения национальной духовной платформы. По Серикболу Кондыбаю, современное гуманитарное знание Казахстана строится на индоевропейской научной парадигме, гуманитарные дисциплины развиваются по отдельности, не учитывая того факта, что они генетически связаны между собой, и при этом не опираются на общую для них науку - мифологию. Эти важнейшие для культурного роста вопросы можно решить по следующей «схеме», предложенной основателем казахской мифо-лингвистической школы С. Кондыбаем:

«1. Бірінші кезекте қазақтың мифологиялық келтірімдерін мүмкін олғанша қалпына келтіру (реконструкциялау) керек.

2. Бұл өз кезегінде гуманитарлық ғылымдарға (тіл тану, әдебиеттану, фольклор, философия, психология, этнография, тарих, археология, мәдениеттану, т.б.) ортақ қисын, ортақ жеке, ортақ ұстаным беріп, оларды дамытуға мүмкіндік береді.

3. Ал осындай даму өз кезегінде зерттеу жетістіктерін күнделікті өмірде (саясатта, өнер мен мәдениетте, идеологиялық іс-шараларда, т.б.) пайдалануға қажетті идеяларды, әдістерді, тетіктерді табуға жол ашады» [9, с. 16].

Положение мангистауского потрясателя Вселенной мифов Кондыбая, что мифология – «головной мозг всякой самостоятельной нации» [10] - может помочь в решении насущных вопросов политики, искусства, культуры и идеологии, угадывается в выступлении Мурата Ауэзова на парламентских слушаниях по вопросу «Законодательное обеспечение сохранения и развития культуры в РК» 20 мая 2005 года. М. Ауэзов заявил, что «культура стала фактором стратегической безопасности нашей страны» [11]. М. Ауэзов подчеркнул, что от того, как общество ответит на вопросы: «Кто мы, что мы за народ, какие цели ставим, к чему идем», будет зависеть будущее всей нации и всего государства. В решении этих вопросов важнейшая роль принадлежит «культурной самодостаточности Казахстана», фундаментом которой служит национальная мифология. И зародившаяся мифо-лингвистическая парадигма знания Серикбола Кондыбая, по словам М. Ауэзова, позволяет нам обрести «огромные пласты истории как наше актуальное время. ...Помогает нам как нации мобилизоваться, сделаться боеспособны-

ми в деле созидания культуры нашего времени» [11, с. 9].

В чем же заключается научная заслуга Серикбола Кондыбая, своими теоретическими исследованиями затронувшим и всколыхнувшим спящее до того времени общественное мнение по интеллигентным вопросам современности?

В 1974 году в своей страстной революционной книге «Аз и Я» Олжас Сулейменов писал: «Язык и письменность – громадный, нетронутый материал культуры, накопленный за многие тысячелетия, - ждут новых исследователей.

Может быть, среди десятков юных читателей моих найдутся будущие создатели гуманитарных, но точных наук; люди новой формации, избавившиеся от предрассудков христианских, мусульманских и буддийских знаний, свободные от догм философий расовых и национальных. Тогда слово не будет ни причиной, ни следствием ежечасно меняющихся представлений исторических, а будет – Словом, самым объективным источником.

Постоянная религия, неподвижный быт создают тот искусственный режим, в котором не увядает слово, обладающее золотой структурой.

Истлевает письменный материал,
но вечен знак над легким
пеплом букв,
над глинами,
над каменной плитой –
изогнутый лекалом мысли
Звук» [12].

И Слово было услышано более чем через двадцать лет в богом забытом уголке Мангыстау и продолжено: «Абак – самая простая и одновременно сложная геометрическая форма. Она состоит из двух элементов. Первый – круг (окружность), второй – точка в центре этого круга. Эти два элемента могут иметь и (имеют) собственные названия. Вот они-то и составляют два самых первых искусственно созданных слова человеческого языка» [13].

Приведем еще одну выдержку из книги О. Сулейменова: «Неизменность морфологической схемы и определила сверхустойчивость тюркского слова. Добавим и исторические причины – консерватизм быта (кочевой уклад жизни), религии (тенгрианство – культ предков). Кочевник двигался, а время стояло. Кочевник

входил в соприкосновение с десятками этносов, обогащал свой, но не изменял его коренной образ» [12, с. 212].

Вот эта консервативность быта и религии, свехустойчивость тюркского слова, а также «самоотверженность, мужество, упорство, воля, работоспособность, смелость и эрудиция, безотчетная целеустремленность – все эти черты подлинной гениальности человека» в научном изыскании [10, с. 42] – составили подлинно историческое событие – над Казахстаном промелькнула еще одна звезда – звезда Серикбола Кондыбая, о свете которой предвидел Олжас Сулейменов.

С. Кондыбай сделал казахский язык (слово и звук) и «средством, и объектом исследования мифа» [10, с. 43], создав мифо-лингвистическую научно-исследовательскую школу, опираясь при этом и связуя между собой существующие до этого по отдельности литературоведческие, искусствоведческие, музыковедческие, этнографические, исторические, культурологические знания. Как эта связь должна быть организована, по С. Кондыбаю, на каких принципах? Прежде всего исследователь во всех этих областях гуманитарного знания должен ставить перед собой «общегражданские вопросы»: «Кто мы, что мы за народ, какие цели ставим, к чему идем» [11, с.13-19]. Вопрошая о насущном для всей нации, С. Кондыбай разработал «методологию исследования и систематизации мифологического материала», содержащегося в «лексическом фонде языка, в идиоматических выражениях, фольклорных текстах, обрядах, орнаменте, музыке, сакральной архитектуре» [13, с.4, предисловие З. Наурызбаевой].

За девять лет подвижнического, героического труда Серикбол Кондыбай написал более 90 научно-популярных и публицистических статей, десятки крупных исследований: «География Мангыстау» (1997), «Введение в

казахскую мифологию» (1999), «Священные места Мангыстау и Устюрта» (2000), «Казахская степь и германские боги» (2000), «Есен-казах» (2002), «Гиперборея: история эпохи сновидений» (2003), «Мифология предказахов» (в 4-х тт., 2004), «Казахская мифология. Краткий словарь» (2005) и др. О научной состоятельности С. Кондыбая нет нужды говорить, вот некоторые разделы его «Введения в казахскую мифологию»: «Великий закон кочевого мира», «Солнечная мифология», «Дуалистическая мифология», «Мифологические пространства» (названия даны в переводе З. Наурызбаевой).

Results

Научная систематизация национальной мифологии, предложенная С. Кондыбаем, заслуживает нашего пристального внимания с тем, чтобы ее научную парадигму использовать при исследовании вопросов современного литературоведения. А именно: казахская литература большого периода времени – с 1960-х по 2000-е годы – представляет уникальный пласт национального - мифологического – миропонимания (сознания) и собственно мифотворчества и должна быть изучена в контексте аспектов именно национальной мифологии, что сделать возможно более полно благодаря трудам С. Кондыбая.

Исследователь современного мифа Р. Барт считал литературу «типичной мифологической системой». Это и неудивительно. Миф всегда существовал в культуре человечества, независимо от того, признавался ли он наукой или литературой. Жизнестойкость мифа, присутствие его – явное или же латентное – «в различных областях и сферах жизни общества в разные исторические периоды», его универсальность – все это подтверждает тот факт, что миф «является никак не преддверием или предшествующим «недоразвитым» типом культуры, а одной из важнейших ее форм и именно поэтому постоянно присутствует в ней» [14].

Литература

- 1 Каскабасов С.А. Казахская волшебная сказка. – Алма-Ата: Наука, 1972. 259 с., с.148
- 2 Каскабасов С. А. Казахская несказочная проза. – Алма-Ата: Наука, 1990. – 240 с., с. 58-59.
- 3 Кондыбай С. Казахская мифология. Краткий словарь. – Алматы: НурлыАлем, 2005. – 272 с., с.110
- 4 Турсунов Е.Д. Происхождение древних типов носителей казахской устнопоэтической традиции.- Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Алма-Ата, 1976. 79 с., с. 54.
- 5 Турсунов Е.Д. Древнетюркский фольклор: истоки и становление. - Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 172 с., с. 15
- 6 Елеукинов Ш.Р. От фольклора до романа-эпопеи. Монография. – Алма-Ата: Жазушы, 1987. – 352 с., с. 21

- 7 Материалы Круглого стола «Феномен Серикбола Кондыбая и культурная самодостаточность Казахстана», 15 марта 2005 г. – Рух-Мирас, № 2, 2005, с.6-12, с. 10
- 8 Б. Жетписбаева. Казахская художественная традиция: образ волка. – Рух-Мирас. №2, 2005, с.58-67, с.58
- 9 Кондыбай С. Мифке оралу. - Рух-Мирас. №2, 2005, с.13-19
- 10 ЕдильК. (Жанабаев). Наследие С. Кондыбая и судьба национальной мифологии. – Рух-Мирас, №2, 2005, с. 42-45, с. 42
- 11 Рух-Мирас, №2, 2005, с.94
- 12 Сулейменов О.Аз и Я. – Алма-Ата: Жазушы, 1975. – 303 с., с. 198
- 13 КондыбайС. Казахская мифология. Краткий словарь. – Алматы:Нурлы Алем, 2005. – 272 с., с. 14
- 14 ПашининаД.П. Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича. Серия «Мыслители». Выпуск № 8 - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2001. – С. 300.

References:

- 1 Kaskabasov S.A. Kazakh fairy tale . – Alma- Ata : Nauka , 1972. 259 p., P.148.
- 2 Kaskabasov S .A. Kazakh fairy-tale prose . – Alma- Ata : Nauka, 1990. - 240. With58-59.
- 3 Kondybai S. Kazakh mythology. Concise Dictionary. – Almaty: Nurlu Alem, 2005.272p.,P.110.
- 4 Tursunov E.D. The origin of the ancient types of media folklore Kazakh tradition. - Dissertation for the degree of Doctor of Philological Sciences, Alma- Ata, 1976.
- 5 Tursunov E.D. Old Turkic folklore : the origins and formation. - Almaty: Dyke Press, 2001. – 172 p., P.15
- 6 Eleukenov Sh.R. From folklore to the epic novel. Monograph. - Alma–Ata: Zhazushy, 1987. – 352.
- 7 Materials around the table «Phenomenon of Serikbol Kondybay and cultural self-sufficiency of Kazakhstan», 15 March 2005 - Rukh - Miras , № 2 , 2005, p.6 -12 , p. 10
- 8 Zhetpisbaeva B. Kazakh artistic tradition: the image of a wolf. - Ruh-Miras. Number 2, 2005, p.58
- 9 Kondybai S. Mithcah screaming. – Rukh-Miras. Number 2, 2005, pp.13 -19.
- 10 Edil K. (Zhanabaev) . The Legacy of Kondybay and the fate of the national mythology. – Rukh-Miras, №2, 2005, p. 42-45, p. 42.
- 11 Rukh-Miras, №2, 2005 , p.94.
- 12 Sulejmenov O. Az and I. - Alma-Ata: Zhazushy, 1975. – p. 303. P. 198.
- 13 Kondybay S . Kazakh mythology. Concise Dictionary. – Almaty: Nurlu Alem 2005. p. 272. P.4
- 14 PashininaD.P. Meanings of myth in the history of mythology and culture. Collection in honor of the 90th anniversary of Professor M. Shakhnovich . Series «Thinkers». Issue number 8 - St.-Petersburg.: Publishing St.-Petersburg Philosophical Society, 2001. – P. 300